Берегите дух ваш. Брат Михаил Иванович Хорев. 2 Коринф. 7:1

Уважаемые радиослушатели, вы слушаете радио "Голос мира". И сейчас мы предлагаем вам прослушать беседу брата Михаила Ивановича Хорева "Берегите дух ваш".

Я желаю напомнить место Святого Писания, седьмая глава святого апостола Павла, к Коринфской Церкви, сказано так:

> 1 Итак, возлюбленные, имея такие обетования, очистим себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню в страхе Божием.
>
> 2-е послание Коринфянам 7 глава — Библия: https://bible.by/syn/54/7/#1

Что-то очищает Господь, безусловно, кровью Своей святой, это верно, но здесь сказано о другом "очистим себя от всякой скверны плоти и духа". Я сейчас не буду говорить о сквернах плоти, они очевидны. они не так опасны, как скверны духа, потому что скверны духа можно спрятать и не видеть. А скверна плоти очевидна, всеми осуждается. Легче довести до сознания человека, он вскрыть ее не может. Иногда мы стоим перед проблемой. Мы просто иногда за грех, который очевиден, мы просто не можем доказать и не можем наказать, не можем содействовать избавлению от этого греха. Например. Скажите, жадность – это грех или нет? Грех. А вы когда-нибудь видали в Церкви, чтобы наказывали за жадность? Никогда.

Например, я кому-то скажу: "Брат! Это же грех, ты такой жадный." А он скажет: "Нет! Я экономный". Ну, попробуй докажи, что он жадный. Или ленивый. Это тоже же грех? Но никогда за леность мы не наказывали. "Брат! Ты такой ленивый!" (а брат ответит:) "Как вы так вот торопитесь делать выводы? У меня плохое самочувствие". И ещё масса оправданий. Не докажешь. Совершенно не докажешь. Это только сам человек может сказать. Такой жидкий предмет, скользкий, одной рукой не возьмёшь. И некоторых из нас не возьмёшь одной рукой. Тысяча доказательств – всё равно бесполезно. Скверна духа – это очень серьёзно. Самое страшное – это. Если есть скверна плоти, то можно за него помолиться, это так очевидно. А скверна духа – даже мы часто и не молимся за таковых, потому что есть какое-то оправдание, кто знает, почему то или другое.

Например, в Святом Писании Саул бодрый, весёлый, победа большая - Голиаф поражен! Филистимляне убежали! Война закончилась великой победой! Как прекрасно! Как прекрасно! Саул в прекрасном настроении! Сорок дней хмурым был и не знал, что делать, а Голиаф издевался над израильским народом, а теперь веселый, возвращается в свой дворец, к себе домой, окруженный свитой, царским вниманием, как и подобает царю. И вдруг... лицо царя стало хмурым. Не всегда же мне улыбаться, правда? Ты сейчас нормальный, к примеру сказать,

чувствуется, что и дух твой здоровый. А через час, может быть, ты серьезный и повесишь голову уныло. Ну, не могу же я тебя в чём-то обвинять. Не всегда же мне радоваться в настроении. Мало ли кого-то вспомнил, какие-то тяжёлые воспоминания, грусть посетила. Бывает так? Бывает. И мы внимание порой не обращаем.

Но у Саула тут серьезно. Лицо у него изменилось. Причина? Он никому не говорит её. А он услыхал песню одну. Хороводы ходят, женщины сочинили песенки "Саул победил тысячу, а Давид – десять тысяч!" И нахмурилось лицо его.

"За мальчишку лучше думают, чем обо мне. Ишь какие неразумные женщины. Их женщин только допусти! Такое наболтают!"

Чувствуете? Скверна духа! Но она никем не замечена, а в сердце червоточина: "Обо мне плохо сказали. Песенку спели не так". Если бы было с духом все благополучно, Саул сказал бы так: "Господи! Благодарю Тебя за таких чудных мальчиков, как Давид. Ещё бы таких десяточек и войска не надо. Как хорошо, что один в царстве моём есть такой. Благодарю Тебя сердечно. А то, что женщины поют, они ещё мало поют. Давид избавил всё царство моё от несчастья, великая победа одержана...". Ещё бы он сам к этому хороводу мог бы присоединиться и всё нормально. Но нет. Если в сердце червоточина осталась... дело пойдет к полному распаду. Всё! Конец.

Смотрите, как с нарастающий идёт дальше. Он готов и дочь свою выдать замуж, но условия дают такие... которые, если выполнить, то опасны для жизни, жениха убьют. Вы помните, да?

Саул во гневе своём кидает копье. Замыслы, замыслы, замыслы. Но всё это несбыточно, и наконец Давид убегает, а Саул вслед пускается и бегает за Давидом. Иногда, когда приходит в сознание, то кричит Давиду: «Ты правее меня!» Помните перекличка, да? Через поле, с горы на гору. А потом опять. Саул, ну что тебе не живется во дворце царском? Спал бы ты на перине, под голову ты камень положил, а мог бы на мягкой подушечке спать. Ты питаешься в сухомятку, а мог бы с царского стола питаться. Ну, словом, не те условия, которые приличествуют царю. Что ж ты скитаешься, как бродяга последний? А он скажет: "Жив тот, о котором говорят больше, чем обо мне!" Вот до чего дошла червоточина. А началось с чего? Изменение настроения чуть-чуть. Ах, ах, ах! **Беда, конечно, не в женщинах, которые спели песенку, а беда в его сердце. Как бы мы тщательно не скрывали скверну духа, если она есть в сердце нашем, она, как гнойник созреет и прорвётся наружу.** Все равно будет очевидно. И чем закончил Саул? Самоубийством. Пал на свой меч. Ну, говорят, что там он еще жив остался, но попросил оруженосца добить его. Это факт. Идём к самоубийству, если мы скверну духа оставим за собой. Лишь бы никто не видел.

Братья! Тяжело каяться или нет? Ну, как сказать? Грешнику - тяжело. А пресвитеру ещё тяжелее: "Я же служитель!" А служителю еще тяжелее. Чтобы не подмяли его авторитет. То, что как Бог смотрит, ну, это другой разговор. С Богом-то ладно, Он промолчит. А авторитет перед людьми.

В это время мы познакомились с некоторыми архивами. Знаете, какое я заключение сделал? О тех, кого я знаю или раньше знал? **Самый первый предатель, который работал на органы власти, это старший пресвитер Украины Андреев.** Его, конечно, уже не все знают, он уже умер, где-то в 1970-х годах. Он дряхленьким старичком умер. Но знаете, когда он был завербован? Он завербован был ещё царской охранкой в 1912-м году. А когда пришли советские,

большевики к власти, из архивов подняли документик и сюда: "Ты работал на них, теперь поработай на нас".

И много оказалось действий для разрушения. И когда в 1944-м году вновь создали союз ВСЕХБ в Москве и распределяли кому и куда пойти работать, Андреева послали старшим пресвитером на Украину, в 1944 году. Знаете почему? Там так и написано. Так как самый опытный, доверенный, а Украина самая многочисленная по количеству верующих. Значит, справится.

Ах, дьявол тоже распределяет свое войско соответственно тому, с кем надо сражаться. Скверна духа у любого подписанта, если он не говорит всю правду.

Позвольте мне поделиться одним эпизодом таким нехорошим. Но нигде не опубликованным.

Это было в 1958 году. Тогда по регистрированным общинам центральным проехалась одна американская делегация. Среди них был негр, какой-то президент какого-то союза баптистов. Там были и другие, но человек шесть в этой делегации американцев. Они посетили Ленинград, я их видел, я сам член Ленинградской Церкви тогда был и Москву посетили, Новосибирск посетили, и вот последнее посещение был Киев. Негр. Он немножко говорил по-русски. Или плохо ему стало, или решил он отдохнуть, а что здесь делать много шестерым. Ну, словом, решил сам пойти в гостиницу. Ну, это его право. И с кафедры пошёл по проходу, а народ битком-битком, и он пробирался едва. И кто-то ему сунул письмо в карман. Конверт. Он пришёл в гостиницу, прочитал это письмо. Там написано так: «Дорогие братья, не слушайте этих обманщиков. Они все делают для того, чтобы закрывать молитвенные дома. Нас штрафуют за то, что мы водим детей на собрание. Закрывают молитвенные дома..." И там факты есть. В таком-то селе закрыли, в таком-то закрыли, отобрали регистрацию. "...Не разрешают строить молитвенные дома. У нас нет ни Библий, ни сборников и нигде не приобрести..." Целый ряд (переживаний) описано в этом письме. Кстати, я читал это письмо.

Прочитал негр это письмо, ну и положил себе в карман. После служения вся делегация приехала в гостиницу с переводчиками и советская делегация приехала во главе с Жидковым, Каревым, Андреевым. Вся свита. Сидят за большим столом. Этот негр, простите, я не помню, как его звать, говорит: "Братья! Я получил вот такое-то письмо." А там это письмо с адресом обратным. Официальное письмо. Тот, кто писал это письмо, адрес свой написал. "Я прочитаю вам письмо. И мне бы интересно знать вашу реакцию". И читает от начала до конца, всё письмо.

Жидков говорит:

- Разрешите мне это письмо посмотреть?

Негр говорит:

- Я не могу, потому что я не хотел бы, чтобы вы узнали подчерк. Потому что я не уверен, что автор этого письма будет безопасен, если узнают, кто писал. Так что в руки я вам дать не могу.

Он прав? Негр? Он переживает, беспокоится, он честный человек. Но наивный до предела или без предела. А среди этой делегации, самым разумным был, пожалуй, Карев. Самый разумный и самый хитрый.

- Дорогой брат! - говорит Карев Александр Васильевич, - Разбирать мы это письмо не можем. Потому что нужна другая сторона. А другой стороны вы нам не покажете и даже подчерка не хотите показать. Это ваше право, только ваше право. Но если мы не знаем второй стороны, дело не подсудно. Нам нужно проверить факты. А вы не говорите автора, который мог бы подтвердить что-то или опровергнуть. Кому мы будем пояснять? Поэтому я вам рекомендую. Письмо это дальше не пойдёт, потому что нет второй стороны.

- Ну, а что же нам делать?

- А я вам предлагаю аннулировать его, порвите и выбросите.

Подумал негр:

- Впрочем, мы так и сделаем.

Порвал, порвал, порвал и в корзину с бумагами ненужными бросил. Наивный.

Делегация обменялась любезностями, все ушли, остался только лишь один человек. Я сознательно не буду говорить, кто. Ну, знаменитый во ВСЕХБ. Из корзины аккуратненько вынул все бумажки, всё аккуратненько сложил, всё склеил. Это клееное письмо я видал. И докладную записочку написал со всеми подробностями их разговора, кто предложил порвать - Александр Васильевич, ну всё-всё из-за докладной я уже вам передал всё, что там написано было. И адрес тоже самое там числится.

Я не стал интересоваться, что там было этому человеку. Я не знаю. Да это и не так важно. Тем более прошло-то уже 40 лет этому письму. Вполне возможно, что автор уже не живой. Но 40 лет прошло. Пока из архивов не вынули это письмо.

Скажу вам, скверна духа. Мне даже стыдно было слушать. Ему 76 лет. Поэтому он что-то может недопонять, и где-то неправильно принять решение. Всё-таки в возрасте. Да ему 76 лет – это значит большой стаж работника чужой армии. Наверное генеральские погоны уже пора вешать. И до такой низости, что даже до урны нагибаются и ищет рваные бумажки, чтобы потом передать тем, которые будут заниматься с этими правдолюбцами, которые суют по карманам эти письма. Страшновато, так сказать.

Я хочу сказать, братья, с чего мы начали, когда сильно нас обидело ВСЕХБ. А мы начали с того, что опубликовали седьмой протокол, где отлучили всех старших пресвитеров. Вот и всё. И расписались! И не сказали сколько им лет. Каждый год свидетельствует не в оправдании им, а в осуждении им. Вот столько лет, сколько вы живёте, столько и предателей. Вы понимаете? Если с 1910-го, с 1912-го года они предатели.

Я хочу сказать вам, в нашей Ленинградской Церкви был пресвитер Орлов Михаил Акимович. Вы только лишь по литературе можете о нём слышать, а я его прочувствовал на себе:

- Мишенька, я слыхал, что ты среди молодежи проповедуешь, а я бы хотел тебе кафедру дать. Будешь определённый день проповедовать каждую неделю, но для этого пойдём к уполномоченному. И если он даст рекомендацию мне, после собеседования, то гарантия обеспечена твой успех в деле проповеди Евангелия с кафедры.

Мама запретила мне, а я еще не разбирался много. Я как маме сказал, а мне тогда было 24 года. Я говорю:

- Завтра я пойду к уполномоченному с Орловым.

Мама говорит:

- Да ты что, сыночек? Нет, ты не пойдёшь.

- Мамочка, я ж пообещал, надо исполнить.

- Сыночек, а я запрещаю.

- А как же мне быть?

- А как быть? В Библии как сказано? Старший имеет право отменить решение младшего. Ты младший, я старшая.

- А что я ему скажу?

- Орлову что скажешь? Скажешь – мама не разрешила!

Понимаете, мне 24-25 лет и мама не разрешила. И когда Орлов сказал: "Мишенька, я тебя ждал у часов на углу" Я говорю: "Михаил Акимович, мне мама не разрешила". "Всё! Твоя карьера закончена навсегда! Теперь тебя близко не подпустят к кафедры. Во всю твою судьбу сколько ты будешь жить"

Он-то думал, что Советский Союз вечен. Вот в таких условиях мы жили. Но зачем я буду сейчас говорить за Орлова в наших взаимоотношениях? Он и не скрывал, что он всё докладывает уполномоченному. Когда я встретился с его женой Полиной Власовной, я повторяю, что я жил с ними в добрых отношениях, чисто таком, в формальном плане, ни разу не ссорились нигде, ни на одном перекрёстке. Я говорю:

- Михаил Акимович уже умер?

- Да.

Мы в садике, в Москве с ней встретились случайно. Сели, побеседовали. Я говорю:

- Как Михаил Акимович отходил в вечность?

- Ну как? Я же все подробности знаю его жизни. Я ему говорила: "Миша! Покайся! Ведь последние дни твоей жизни!" Он говорит: "Не проси, не покаюсь. Я всё делал по убеждению". "Миша! Там поздно будет каяться, тебе обязательно нужно покаяться!" Ну, бесполезно. И даже тогда, когда в день смерти он-то всё соображал, всё слышал, но ничего не мог сказать, я все-таки говорила: "Миша! Покайся!" А он ничего не мог сказать, только головой качал. И когда качал головой, перестал дышать.

Он тоже дожил до 77 лет. И что мы скажем? Что вся беда, что ему 77 лет? Вся беда, что он столько мучил всю Церковь! Совместно, всё совместно.

Братья! Не так легко каяться в предательстве. Не так легко. Все дело в том, что Дух Святой

отходит от этого человека. Бог простит. Но если Дух Святой не касается сердца, ты же не можешь покаяться.

Позвольте, хоть чуть-чуть я расскажу за Майбороду, я его хорошо знаю. Он в своё время был верным служителем. Ошибки были? Были. Это не так страшно. Самое главное – поправлялся и шёл вперед. Он прекрасный был проповедник. В 1945-м году ему дали 10 лет, которые он отбыл. За что? В 1944-м году, когда Гитлеру было 50 лет, их пятерых вызвали в немецкое управление, не знаю как называется. Ну и предложили: "Вы, как служители Церквей, и мы вас признаем как служителей, и будем всячески поощрять вашу деятельность, напишите телеграмму поздравительную Гитлеру." Ну они и написали и подписались пять человек: "Желаем здравия! Поздравляем с 50-летием!" Советские пришли и всем пятерым по 10 лет. Все 10 лет отбыли, вернулись. А Майборода был ответственным за Луганскую область. Хороший проповедник. И он присоединился к работе Совета Церквей. Он был благовестником представителем Церквей. А КГБ (комитет государственной безопасности) вызвало его и говорят: "Мы познакомились с вашим досье и узнали, что вы Гитлера поздравляли. Да? Представьте себя, как дети на вас будут плеваться, если мы об этом в газете расскажем. Ужасно, ужасно. Кстати, мы предлагаем, давайте с нами сотрудничать. Мы много от вас не будем просить. Вы скажете, когда собирается Совет Церквей, какая программа, о чём говорилось там. Вы же посещаете Совет Церквей?"

Он согласился и думает: "Я буду говорить только лишь то, что не повредит Совету Церквей. Схитрю, лишь бы пережить. Но неудобно, если в газетах опубликуют, что я Гитлера поздравлял." И стал докладывать.

Но я не буду подробностями рассказывать. Однажды он двоим братьям, служителям поделился, что так и так меня КГБ завербовало. Ну, поделился. А тут членское собрание. И братья наши порекомендовали ему на членском собрании об этом объявить. Он объявил. И сразу же членское собрание его отлучило от Церкви. Через два дня, как видно, побывав в кабинетах КГБ, он приходит и говорит:

- Братья! Вы меня неправильно поняли, я никогда не сотрудничал с КГБ.

Но это бы все было бесполезно. Потом он ушел во ВСЕХБ, там принимал участие в проведении съезда. И вот он на одре смерти. Эти два брата, это брат Германюк Степан Григорьевич и другой брат подходят к нему, тот лежит на постели, скоро умрет:

- Григорий Иванович! Вам следовало бы покаяться. Ведь вы же работник были, завербован.

- Да, братья, помолитесь обо мне, чтобы Бог меня простил.

Братья говорят:

- Нет! Мы так не можем помолиться. Ты же согрешил против Церкви. Мы понимаем, что ты не сможешь прийти теперь на Церковь в связи с твоим недугом, болезни твоей. Но напиши письмо к Церкви, признательное: "Да, я сотрудничал, простите меня". И мы сейчас помолимся.

- Нет! Этого я не сделаю.

- Почему?

- А вы не знаете, что сделается в моем КГБ? Если узнает об этом.

- Ну хорошо, мы обещаем это письмо прочитать после похорон ваших. А помолимся сейчас.

- Нет! С внучатами они злые дела будут творить. А я не желаю этого.

- Ну тогда мы не можем за вас молиться, у вас нет покаяния.

- Ну ладно, когда я решу, я вас позову.

Через два дня или три он умер. Так и не было покаяния. Сознание есть, что надо покаяние, а Дух Святой не касается. Я далек от того, что сказать, что он похулил Духа Святого. Я не знаю. Но если нет покаяния, значит, вывод сам напрашивается. Так и умер. Если один качал головой: "Не покаюсь" и так и умер. другой молчаливо, но твердо сказал: "Не признаюсь письменно, публично". Это дело их. Кто не возненавидит себя и саму жизнь, тот не достоин Меня.

Хочу сказать! Братья милые! Берегитесь вербовки, которой каждый из всех присутствующих здесь может подвергнуться.

Меня тоже агитировали и очень плотно агитировал КГБ, сотрудники. Например, если после третьего срока предлагали сотрудничать, я не согласился. Они сказали, что для первого раза мы тебе добавим два года. И добавили, в день освобождения пятилетнего срока добавили ещё два года. И вот приходит опять. Семь лет уже прошло, скоро мне освобождаться. И эти голубчики пришли. Опять предлагают решать все вопросы за этим столом. Я говорю:

- Бесполезно! Бесполезно!

- Нет-нет! Мы тебя судить больше не будем. Мы тебя освободим. Но ты будешь не рад этому освобождению. Ой, как не рад. Ты знаешь, у нас уже есть донос на тебя от Люсеньки.

А я же знаю, кто такой Люсенька. Мужеложник, москвич, через койку от меня спит. Развратник. Так он любой донос сделает.

- И в этом признании его, ой, такая пакость, от тебя же все отвернутся. И, кстати, ты никакой щелочью не отмоешься, если мы всё это опубликуем. У нас городов много, ты, конечно, будешь разъезжаться, все будут задавать тебе вопросы: "Мы читали за тебя, мы читали за тебя..." и будут задавать вопросы: "Разъясни, разъясни..." и ты не сумеешь объехать все города, как придёт Христос за Церковью.

- Бессовестные, наглые! Вы думаете, до сердца ничего у меня не доставало?

Я понимаю, чего они ожидали. Они ожидали приблизительно такого: "Ну, хорошо, я в меру буду сотрудничать, только пакости вы никакой не делаете или еще что-нибудь такое", но я говорю:

- Вполне может быть, что вы всякую пакость и опубликуете. От пакостных чего еще ждать? Всё может быть. Может быть и такое, что прочитаю про себя в газете напечатанное. И разрыв сердца может быть. Ну или, по крайней мере, будет весьма-весьма неприятно, и это может быть. **Но лучше с вашим ярлыком мне перейти в вечность, чем со званием предателя.** Так что давайте на эту тему больше не говорить. И я больше с вами разговаривать ни о чём не буду.

Они еще мне кое-что говорили, но я уже сказал им, что я ни одного слова больше отвечать не буду. Дня три я чувствовал себя после этого разговора сильно-сильно удручённым. Как подумаю, какие грязи. Когда упоминали за эту Люсеньку, а этот мерзкий человек, москвич ужасный, он встретившись со мной: "Хи-хи, хи-и, хи-хи. Мы еще породнимся с тобой, еще не раз ты ко мне обратишься. Приехал..., может быть, адресок тебе дать, чтобы я дал пояснения некоторые..." Не говорит, что он написал признательное письмо на меня. Он этого не говорит, но намекает, намекает. А вы знаете, о чём я думал? Я думал: Боже мой! Я даже и не знал, с каким коварством КГБ вербует себе агентуру". Я этого не знал.

И Бог положил мне на сердце после этого быть весьма-весьма внимательным.

У одного из братьев нашей Церкви электричество исчезло. У всех есть, а у него нет. И никто не может ничего сделать ему. Никто. Встретился ему капитан КГБ, который занимается по Молдавии, Скварц. И говорит:

- Ну как дела? Всё ли в порядке? Нет ли каких проблем?

Он возьми да и скажи:

- Всё нормально, только света, правда нет у меня.

- Но если проблемы будут, вот тебе телефончик и всё будет в порядке. Ты мне только позвони. Я на все педали нажму, там всё сделают. Так у тебя, говоришь, света нет? Я позвоню по телефону, безобразие какое. Ничего, вечером будет свет.

И дали вечером свет. Слава Богу! Он простой братик.

- Слава Богу! Случайно Скварца встретил и свет дали.

- Ой, - говорю ему, - Не случайно, он специально к тебе подошёл. Теперь берегись, вот теперь ты берегись!

Через месяц газа не стало. Куда не обращается бесполезно.

И ко мне говорит:

- Газа не стало.

- Ты думаешь, Скварц тебе встретиться?

- Нет.

- Телефон его хранишь?

- Храню.

- Покайся. Дай мне телефон, я разорву. У тебя не хватит мужества.

- А может быть и правда позвонить, а?

- Смотри.

Вы знаете, так и не было газа, пока не позвонил. Сразу сделали. После этого водопровод исчез.

Я ему сказал, что это приручают. Так и собаку приручают. Кстати, знаете, как собаку к наморднику приучают? Вначале играются с намордником, собака привыкает зубами рвать его. А потом, нечаянно как бы играючи, оденут намордник, она лапами снимают, ей разрешают. Вот недельку поиграют, и в наморднике, всё в порядке.

Я говорю:

- Павлушенька! С тобой серьёзно играют. Серьёзно занялись тобой. Берегись!

- А что ты предлагаешь?

- Предлагаю, пиши. Пиши, как тебе свет КГБ поправляло, как водопровод поправляло, как газ поправляло, и теперь ждёшь ты следующих бедствий. Пиши! А ты знаешь, что после этого будет? Случайно бульдозер ночью найдёт на меня на дом и свалит и всё будет серьезно.

Я говорю:

- Лучше под бульдозер попасть, чем под капитана. Поверь мне. Нечаянно будет мимо вас машина ехать и скажет: "А что у вас там не асфальтирован дворик" И за четверть цены, я вам разгружу самосвальчик. И ты с удовольствием возьмёшь. И заасфальтируешь. Ну, а потом тебя спросят. Ты украл. Это сговор. И шофёр подтвердит. И ты не будешь опровергать: "Да! От этого шофёра я купил". И дадут тебе за воровство и оценят - пять лет тюрьмы. И предложат: "Давай загладим всё? Гарантируем, что дело закроем. Но знаешь, нужно немножко, раз в месяц встречаться, и будешь ты, ну немножко, немножко будешь говорить, сколько там народу было..." И ты прикинешь, а что особенного? Ну скажу 80 человек. Да это не имеет значения, а им лишь бы ты согласился первый шаг сделать, потом затянут.

Знаете куда затянут? В преисподнюю, а не в сотрудники. Я не говорю в штатные сотрудники. От штатных сотрудников еще можно избавиться, от преисподни никогда. У дьявола "украсть, убить и погубить".

Если бы я спросил вас - поднимите руку, кто подвергался агентуре работать на КГБ? То скажу, что я первый должен был бы поднять руку. Но вы никто не поднимайте. А вы сами в себе скажите. Сами себе скажите.

Я скажу вам, братья, в одной Церкви было исповедание. И один брат мне рассказал такую картину. Я сознательно не буду говорить в какой-то Церкви, потому что исповедание не должно раскрываться. Но сама суть, так как это не единичный случай, я просто говорю об этом, потому что разные методы, чтобы и вы знали.

Подошёл капитан КГБ, который обычно занимался у нас верующими и говорит:

- У тебя большая семья, почему бы тебе старших не послать в город? Конечно, это было бы хорошо и учиться, и работать, а что здесь в колхозе?

Еще колхозы были.

И продолжает:

- А что здесь колхозы? Где они себя применят? У меня есть возможность, пожалуйста я вам дам

адресочек, обратитесь в ту организацию, там и квартира есть, вам выделят сразу и квартиру.

И он послал двух сыновей, ни одного, а сразу двух. И дали им двоим две хорошие трехкомнатные квартиры. Я говорю:

- А потом что?

- А потом ничего.

А я чувствую, что совершенно честно говорит. Потом ничего.

- А сколько лет прошло после того, как вы живёте в этих квартирах?

Я, кстати, в этих квартирах бывал, когда ещё ничего не знал. Он говорит:

- Вот уже лет 12. Тихо, спокойно всё. Ну, правда, этот капитан уже умер, в аварию попал.

- Так, в архивах ваша сделка, милый человек, теперь вы обязаны чем-то. Придут и скажут, что квартирку не зря вы получили.

Вы понимаете, приехали молодые специалисты, им сразу по трёхкомнатной квартире. Невероятный случай. Кстати, в удобном месте. И когда стоял вопрос уехать в Америку, один признался и говорит:

- Я скорее тороплюсь уехать в Америку, потому что мало ли придут, упоминая квартиру, что я чем-то обязан, а я в Америку уеду.

- Миленький, и там тебя найдут. Здесь надо тебе вот что, встать и сказать: "Братья и сестры! Я получил квартиру и думал, что это как от Господа, а получается и дьявол замешан здесь и дьявол хотел меня, как полагаю, обольстить, но помолитесь, чтобы всё было хорошо." И когда это всё обнародуют и опубликуют опасности уже не такой будет.

Силы не хватило. Уехали в Америку. Ну и ладно, пусть уезжают. Наше дело предупреждать.

Братья, дорогие! Воспитывать надо Церковь так, чтобы никогда чекистам было не повадно агитировать членов наших Церквей.

Однажды, это было перед самым арестом, а я знал, что здесь есть агентура их, я это хорошо знал (неразборчиво). Это было в конце 1969 года, накануне моего второго ареста. Я говорю:

- Братья и сестры! Кто может участвовать в Святой Заповеди?

Ну и дальше говорю, кто? Как обычно. Теперь:

- Кто не может участвовать?

Тоже как обычно...

- Кстати, братья и сестры, не могут участвовать в Святой Заповеди те, которые подвергались обработки со стороны КГБ, которые имели тайные встречи с ними и не сказали служителю, те тоже воздержитесь.

Один спрашивает:

- А как это понять? Объясните.

Пришлось подробнее объяснить. Ну и ладно, поучаствовали, всё прочее. На этой же неделе меня и арестовали. Следователь говорит:

- Уж такой-то наглости мы не ожидали.

Братья! Мы как пастыри обязаны говорить не намёками, потому что страшновато в открытую идти, понимаете, а говорить абсолютно открытым текстом, чтобы враги боялись подходить к нашим членам Церкви.

Я убежден, что это так. Служители поместных Церквей обязаны воспитывать членов Церкви открытыми, честными, святыми и так и скажите всем, если кто-нибудь, когда-нибудь, прямо или косвенно будет с тобой заигрывать непременно объявляй мне, объявляй Церкви. Самое главное, чтобы никакой связи не иметь с нечистым, чтобы Господу никогда не изменить. "Очистите сердца ваши, очистите" я повторяю текст, который мы прочитали с вами. "Имея такие обетования, очистим сердца наши от всякой скверной плоти духа". Это мы должны очиститься. Мы должны признаться. Мы должны устроять порядок. То, что Бог со Своей стороны, Он все сделает, а с нашей стороны что? Признание. Легко сказать: "Господи, обещаю!" А когда есть нарушение, нужно иметь мужество исповедовать. Берегите дух ваш. Это, говорит Святое Писание. Аминь.

Стихотворение

На гранях будущего и былого

Блистают лучезарные огни

И возвещают о любви благого,

О юбилее, говорят они.

Хотя и не изжиты все страдания,

В день юбилея радостной душой

Мы, Авен-Езер*, в радостном собрании

Провозглашаем громкую хвалой.

Хвала Христу! Он сам в любви безмерной

Отцам вначале истину открыл

И как строитель самый верный, мудрый,

Он в Церковь первый камень положил.

И началось строительство чертога,

И поднимались стены к Небесам.

Они вещали всем о силе Бога,

Создавшего в России чудный храм.

О прошлый век! Из братских мемуаров

Нам лучшее сегодня расскажи.

Не вспоминай, пожалуйста, кошмаров

Как разорялись Церкви церкви этажи.

Мы сами это видели довольна,

И свежие от ран видны рубцы.

Но чтобы снова не было так больно,

Не отчимы нужны нам, а отцы.

Отцы нам донесли святое слово

И научили нас любить Христа,

И завещали нам в пути суровом

Не обходить Голгофского креста.

Пришлось им путь нелегкий к Юбилею

Слезами даже кровью оросить,

Но их плоды еще и ныне зреют

Под солнцем благодати на Руси.

*Авен-Езер - упоминаемая в Библии местность, где пророк Самуил поставил камень в память победы над филистимлянами (1 Цар. 4, 1, 12)

Пение братский хор

Житейское море шумит и клокочет

М. Парафейник и Г. Красненкова

Текст песни:

Житейское море шумит и клокочет
И волны грозят поглотить
Склоняюсь в молитве небесный мой Отче
Меня не оставь на пути (x2)

Я знаю что скалы и грозные ветры
Ни что перед волей Твоей
Ну что же так мало имею я веры
Слабеет она в час скорбей (x2)

Я знаю Твой голос призывный нежный
Меня он в пути ободрял
Но волны бушуют и гаснет надежда
Пред гордыми глыбами скал (x2)

Как много препятствий и явных и скрытных
Как круто вскипают валы
Житейское море неравная битва
И трудно его переплыть (x2)

Но страннику помощь в Христе Иисусе
Он руку протянет свою
Я знаю Он силен и Он не допустит
Погибнуть в неравном бою

Житейское море шумит и клокочет
И мне угрожает волной
Склоняюсь в молитве великий мой Отче
Ты сила моя будь со мной (x2)

https://blago.tube/watch?v=lp06

Пение: Как хорошо, что много слов на свете ласковых

Как хорошо, что много слов на свете ласковых,
Как украшают нашу жизнь они собой.

Как хорошо, когда их слышим от друзей своих,
Когда быть может солнце скрылось над тобой.

Как хорошо, когда умеем нежность мы дарить,
Когда тепло сердец мы отдаём другим.
Со словом ласковым друзьям на свете легче жить,
И счастье людям улыбается таким.

Пускай же нежные слова украсят жизнь твою,
И для других, как ярких солнца луч гори,
Ты словом ласковым согрей в минуту трудную,
Тепло души своей ты другу подари.

Комментарии
